

ПОВОРОТ К ДОБРОДЕТЕЛЯМ: МИССИЯ ФИЛОСОФИИ В РАЗДЕЛЕННОМ МИРЕ

Чукин С.Г.

В статье рассматриваются практические и теоретические следствия того, что ценности стали реальным фактором социальной жизни. Автор критикует эмотивизм, утверждающий невозможность рационального обоснования ценностей, и противопоставляет ему концепт трансверсального разума.

Ключевые слова: философия; разум; ценности; добродетели; трансверсальность.

Когда из жизни людей исчезает сила объединения, а противоположности утрачивают свои жизненные связи и взаимодействия, приобретая статус самостоятельности, возникает потребность в философии.

Гегель

Однажды появившись, философия закрепила в интеллектуальном пространстве человеческого бытия, заняв в нем свою нишу, параметры которой периодически меняются. Сам факт её устойчивого существования на протяжении столь длительного отрезка духовной истории служит основанием для утверждения о том, что она выполняет важную роль в жизни отдельного человека и людских сообществ. Эту роль определил Гегель в словах, взятых в качестве эпиграфа к статье: быть последним интегрирующим центром мысли, отыскивать и показывать возможность единства там, где другие инстанции видят лишь противоположности.

Задача философии изначально виделась не в том, чтобы вырабатывать положительные знания о мире: эту потребность на то время вполне удовлетворяли обыденный рассудок и зарождающаяся наука. Равно как и

цельность картины мира обеспечивали миф и религия. Проблема, которую не могли решить названные познавательные практики, возникла вследствие фрагментации социального и культурного пространства. В отличие от природы, где все происходит строго определенным образом, подчиняясь закону, у людей дела могут обстоять так, а могут – и иначе, руководствуясь специфическим представлением о благе: «Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, ... стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится» [1]. Поскольку представления людей о благе разнятся, то социальный мир оказывается плюральным, а значит - потенциально конфликтным.

Греки не опасались конфликтов, считая их нормальным явлением, и изобрели трагедию - замечательный художественный жанр, в котором столкновение противоположных персон и образов жизни, завершается катарсисом. Они же, в лице Сократа, создали философию как интеллектуальную практику, способную трансформировать противоположные позиции в общее определение блага. Разбирая имеющиеся в его распоряжении ресурсы, которые можно было задействовать для концептуализации и обустройства общественной жизни, Аристотель остановился на трех возможностях: научная рациональность (*episteme*), рассудительность (*phronesis*) и философский разум (*sophos*). Наука в таких случаях случае мало что может, поскольку «видит» вещи строго определенным образом и предлагает только одно, единственно верное с её позиций решение. Фронезис связан с человеческими делами и с тем, о чем можно принимать решение: «Рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой для него самого, однако не в частностях – например, что полезно для здоровья, крепости тела, - но в целом: какие вещи являются благами для хорошей жизни» [2]. Таким образом, фронезис представляет собой практическую рациональность, ситуационное мышление и действие, позволяющее найти истину для «здесь и

сейчас». Если наука обобщает, то фроне́зис – индивидуализирует ситуацию, «... начальствует как творческая способность и отдает приказания для частных случаев» [3]. Действующий человек решает практический силлогизм, где в качестве большей посылки выступает знание о том, что нечто является благом, в качестве меньше – желание обладать этим благом, а заключением становится действие. Благом является не всякая цель, а только добродетельная.

У древнегреческого мыслителя встречается выражение «око души», под которым он понимает обобщенный орган, помогающему человеку не сбиться с пути добродетели. Этот образ, скорее всего, заимствован у Платона. В «Государстве», рассуждая о благе и его роли в познании и делах человека, философ сравнивает его с Солнцем. Только в свете Солнца мы видим предметы в их истинном бытии. Если же наступают сумерки или ночь, то острота зрения уменьшается и предметы предстают в искаженном виде. Так бывает и с душой: «всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, что показывает её разумность. Когда же она уклоняется в область смещения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума» [4].

И здесь мы подходим к ключевому для Аристотеля и античной мысли в целом пониманию предназначения философии: она должна вырабатывать общую концепцию блага, позволяющую соединять разрозненные и фрагментированные действия отдельных субъектов социальной жизни в цельную и гармоничную картину общества. Цементирующими элементами античного полиса были добродетели – положительные нравственные качества отдельного человека, проявляющиеся через его социальные роли и обеспечивающие успешную интеграцию индивида в общую среду.

Для античной и средневековой философии не существовало проблемы, которую породила и безуспешно пыталась решать философия Просвещения, а именно: разделения сущего и должного, аналитического и нормативного

дискурсов. Философы традиции были убеждены, что жизнь пропитана нормативностью, в ней онтологическое и феноменальное представлено в неразрывном единстве вещи, которая есть не «чтойность», а «этость». Для традиции характерно отношение к жизни как ситуации, в которой присутствует неразделенность глубины и поверхности, понять её можно только в контексте, в истории, через описание и анализ жизни сообщества, распределения ролей и приоритетов. Философская мудрость в традиционном её видении проявляется в способности к анализу, то есть к прояснению того что есть, но нагляднее всего – в способности создавать концепты [5]. Наука и рассудок разрывают ткань общей жизни на куски, уровни, срезы, выделяют и разделяют предельные (метафизические) и повседневные вопросы. Отказ науки видеть «глубину» вполне естественен, однако из этого вовсе не следует, что глубины нет, и что она не составляет содержания жизни. Философия и выступает в качестве инстанции, способной понять жизнь в её неразделенности, целостности, «этости». В её распоряжении есть своего рода «клей», позволяющий соединять разнородное, состыковать края, выравнивать поверхности. Этим «клеем» является знание общего блага. Философия способна его увидеть или создать, артикулировать и обосновать. Содержание этого блага носит ситуационные характеристики, оно может меняться, однако важно не столько его содержание, сколько факт существования в качестве общего блага. Общее благо – это, разумеется, не то, что для всех хорошо. Такое невозможно. С точки зрения философии, оно представляет собой конституирующую ситуацию идею или ценность, принятие которой одинаково необходимо и важно и для индивида и для социального целого. Из этого вытекает понимание философии как «эпохи, схваченной в мысли».

Эта способность – «схватывать» ситуацию как единство должного и сущего – задействуется философией тогда, когда это единство является фактом самой жизни, когда ценности признаются важным компонентом того состава, который скрепляет общество. Когда нет принципиальных

разногласий по поводу того, что есть «хорошо», а что – «плохо», какое поведение одобряется, а какое – осуждается. Это имеет место в небольших и гомогенных в культурном отношении социальных образованиях. По мере расширения социального пространства и углубления социальной и культурной дифференциации, происходит ослабление связей между частями целого, утрачивается чувство единства, сопричастности общему проекту. Создается впечатление, что общее исчезло, и вместо него появилось множество разнородных и не связанных друг с другом компонентов. М. Вебер назвал этот процесс ценностной рационализацией и пришел к выводу, что его результатом стало повторное «заколдовывание» действительности, которая, казалось, была «расколдована» в ходе модернизации. Собственно, он подчеркнул то, о чем подозревали уже отцы-основатели «проекта Просвещения». Ценности могут не только интегрировать, но и дезинтегрировать общество. Когда они общие и понятные для людей, то способствуют консолидации и выполняют социально-образующие функции. Когда же они разные и их много, то они фрагментируют социальное и культурное пространство, умаляя или упраздняя общее.

Практическим подтверждением разобщающей роли ценностей стали религиозные войны периода Реформации, расколовшие европейские государства изнутри и ставшие причиной межгосударственной вражды. Оснабрюкское и Мюнстерское соглашения, принятые в рамках Вестфальского мира, среди прочего отменили принцип «*cuius regio, ejus religio*» (чья власть – того и религия), установив вместо него принцип веротерпимости.

Таким образом, с середины XVII столетия публичное пространство постепенно и неуклонно «зачищалось от нормативных элементов, которые вытеснялись в приватное пространство, с площадей – на кухню. Произошло разделение должного и сущего, онтологического и феноменального. Должное, глубинное, метафизическое отвергалось не потому, что его существование ставилось под сомнение, а потому что культура утратила

способность обращаться с ним. В ней исчезли социальные и культурные институты, интегрирующие ценностное разнообразие в общее благо, а философии, которая в лице схоластов-концептуалистов нашла способ и форму репрезентации вещей в единстве сущего и должного (Haecceitas), Д. Юм и утвердившийся после него эмотивизм отказали в этом праве.

Принцип Юма, жестко разделивший дескриптивные и нормативные суждения, базировался на убеждении шотландского мыслителя в том, что в основе ценностных предпочтений лежат страсти, а не разум. Разум не в состоянии мотивировать волю или сопротивляться аффектам. Его функции исчерпываются в этом отношении тем, что он ищет средства для заявленных в аффекте целей. Разум, таким является рабом аффектов, служит им и повинуетя: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [6].

Парадоксально, но факт: причиной изгнания нормативного из сферы общественной жизни стало не уменьшение его значения, а то, что культура стала неспособной синтезировать разнородные ценности, искать или конструировать обобщенную ценность или общее благо. А.Макинтайр констатирует: «В мире секулярной рациональности религия больше не дает общего фона и основания для морального дискурса и действия; и неудача философии в обеспечении того, что не могла уже сделать религия, была важной причиной потери философией ее центральной культурной роли и превращение в маргинальную, узко академическую дисциплину» [7].

Это повод для возникновения вопроса, как может быть устроена совместная конструктивная жизнь людей, если из состава социального «цемента» удалить ценности, в том числе – добродетели? Ответить на этот вопрос довольно просто, достаточно проанализировать современные общества, созданные в рамках «проекта Просвещения». Их можно уподобить социальному браку, заключенному не по любви, а по расчету. По мнению умудренных жизнью людей, браки только по любви чаще всего

недолговечны, и куда крепче являются союзы по расчету, с хотя бы небольшой толикой чувств. То же самое можно сказать о «социальном браке». Заключившие его люди рассчитывают на то, что получают в итоге не меньше, чем пожертвуют. Несмотря на то, что здесь все друг друга цинично используют, без минимума общих добродетелей никак не обойтись. Даже преступное сообщество предполагает, что его члены друг перед другом честны, ответственны, готовы придти на выручку. Перечень добродетелей и их содержание меняются, но их необходимость для любого общества не вызывает сомнений. Они обнаруживают себя через определенные социальные роли и профессии, которые фокусируют общественную мораль. Артикулировать такие профессии, роли, статусы, - значит назвать положительные нравственные качества, предпочитаемые в конкретном обществе. Это может быть учитель, врач, священник, армейский офицер, судья и т.д. Люди считают их носителями таких значимых добродетелей, как честность, доброта, отзывчивость, мужество, справедливость и обращаются к ним, как авторитетам по «щепетильным» вопросам.

С помощью простых социологических методов в любом обществе легко обнаружить типичные профессиональные предпочтения и характеры. Если дети не хотят быть космонавтами, военными и инженерами, а стремятся к карьере менеджера, банкира, государственного чиновника или биржевого аналитика, значит, в качестве эталонных «добродетелей» выступают предприимчивость, богатство и креативность, а самоотверженный труд, доброта, милосердие и бескорыстность – не в чести. Они, по мнению последователей Юма, не могут быть учтены как значимые факторы социальной жизни, поскольку являются слишком неопределенными, не поддающимися калькуляции. Для того, чтобы общество успешно существовало, оно должно строиться не на этих «песчаных» опорах, а на взаимовыгодном для людей сотрудничестве. Это и есть «благо для всех», выразителем которого Вебер объявил чиновников-бюрократов.

Бюрократ – это человек, не только имеющий специальные управленческие знания, но также обладающий очень важной способностью - «не видеть» содержащиеся в социальной жизни нормативные имплантаты. У него нет симпатий и антипатий. Он руководствуется одним критерием – эффективностью, которая определяется превышением результатов над издержками, а значит, предполагает наличие промежуточных показателей, которые доступны подсчету, влиянию и контролю. Чиновник-бюрократ – это человек со стороны. Он не врач, но может руководить больницей или медицинским департаментом. Он не работал учителем, но знает, как организовать работу школы. Он не имеет инженерно-технического образования, но разбирается в финансах и полагает, что способен сделать завод прибыльным. А что еще требуется от эффективного управленца? Сделать людей счастливыми? Или превратить школу в место инкультурации и социализации человека в соответствии с высшими гуманистическими идеалами? Это некорректно сформулированная и потому недостижимая управленческая задача. А вот уложиться в выделенный бюджет и заработать дополнительные средства – вполне решаемая проблема.

«Зачищать» социальное пространство от ценностей – значит уподобляться страусу, который прячет голову в песок. Из тезиса о том, что ценности являются дезинтегрирующим фактором, вовсе не следует вывод о том, что их следует изгнать из публичного пространства и сделать персоной нон грата для научного исследования. Они есть и оказывают все более возрастающее влияние. Отказываться от этих ценностей только на основании того, что нет возможности их концептуализировать, является плохим решением.

Веберовский бюрократ и его потомки не претендуют на проникновение в глубины общественной жизни, к её онтологии. Они обращаются к феноменальной стороне бытия, к так называемым «предпоследним» вопросам, которые вполне согласуемы и по которым существует просчитываемая возможность соглашения. Чиновник-бюрократ делает это посредством аналитического прояснения стандартных позиций. На уровне

онтологии такое аналитическое прояснение невозможно, потому что там слишком плотный метафизический туман, рассеять который могут только особые фары.

Поствеберовское общество характеризуется тем, что в нем уже нет такого разграничения онтологических (последних) и феноменальных (предпоследних) вопросов. И то, что еще вчера было несущественным моментом, сегодня становится очень даже важным. Современный человек имеет повышенную чувствительность, его идентичность более сложна, чем идентичность его предшественников. Привычная социальная стратификация исчезает на глазах, общественное пространство имеет иной рельеф и для навигации требуются другие карты. Прежние дороги заканчиваются тупиками, а самый короткий путь предполагает обход. Длившийся более трехсот лет эксперимент по научному решению социальных проблем на наших глазах завершается неудачей.

Важной особенностью нынешней эпохи является скепсис относительно возможности публичного обсуждения фундаментальных вопросов, к числу которых относится и вопрос о нравственных добродетелях. Можно назвать два следствия этого пренебрежения. Во-первых, нарастание культурных противоречий в жизненных пространствах, где, по разным причинам, вынуждены сосуществовать индивиды и группы с разными наборами ценностных стереотипов. Речь идет о европейских государствах, которые долгое время придерживались политики мультикультурализма в отношении мигрантских групп, не желающих культурно ассимилироваться. Вторым следствием стала деградация традиционных добродетелей внутри до этого более или менее гомогенных социальных групп. Она проявилась в ослаблении доверия между людьми, выхолащивании содержания таких качеств, как честность, благородство, бескорыстие, самоотверженность, когда место другого занял чужой. Закон как универсальное средство «выравнивания» различий не может заменить доверие и честность. Автор «Протестантской этики и духа капитализма» вспоминает, как однажды, во

время поездки по США, которую он предпринял в начале XX века, он оказался в железнодорожном купе с человеком, представившимся как коммивояжер. В разговоре М. Вебер упомянул о том, что в Америке очень большую роль играет принадлежность человека к церкви и получил ответ: «По мне, сударь, каждый может верить или не верить, однако если я имею дело с фермером или купцом, который вообще не принадлежит ни к какой церкви, то я не доверю ему и 50 центов. Что побудит его отдать мне долг, если он ни во что не верит?» [8].

Пренебрежение добродетелями ведет к существенному «удорожанию» жизни. Например, в охранном бизнесе современной России занято около двух миллионов человек, которые «производят» охранные услуги. Их стоимость включена в стоимость приобретаемых всеми товаров и услуг. Установка веб-камер на избирательных участках России для обеспечения прозрачности и честности президентских выборов обошлась бюджету в сумму около 13 млрд. рублей. Надзорные и контролирующие инстанции, число которых увеличивается в геометрической прогрессии, являются зримым воплощением того, к чему может привести отсутствие доверия и ослабление общественной и частной морали. Во сколько обходится содержание тюрем, детских домов, приютов для стариков? А их существование – прямое следствие эрозии нравственности. Эмотивисты утверждают, что добродетели выражают наши чувства, их невозможно рационализировать и рационально обосновать. Так ли это? Достаточно постоять тридцать минут возле входа в метро, там, где люди вынуждены открывать тяжелые двери с сильной возвратной пружиной, и посмотреть, какая часть из них придерживает дверь, не допуская, чтобы она ударила того, кто идет следом. Это проявление уважения друг к другу, которое вполне эмпирически фиксируется, как и многие другие добродетели, и позволяет сделать вывод относительно общего состояния морального климата.

Для преодоления ценностной разобщенности современного мира и поиска такой формы единства, в которой входящие в его состав элементы сохранили

бы свою особость, требуется особая разновидность разума, сочетающая дескриптивную и прескриптивную способности. Современный германский философ Вольфганг Вельш называет такой разум «трансверсальным». В классической традиции разум понимается как способность, целью которой является отыскание или конструирование единства, снимающего, поглощающего все различия. Поскольку различие признается как ценность, нуждающаяся в защите и сохранении, то задача заключается в том, чтобы разместить разнообразные ценностные миры в одном социальном пространстве, не допуская конфликтов между ними. Идея трансверсального разума состоит в том, что, несмотря на кардинальные различия между жизненными мирами, *всегда* существует возможность отыскания общего между ними. Это общее всякий раз будет другое, а потому его поиск, артикуляция и обеспечение требуют постоянных усилий.

Трансверсальный разум – это философствующий ум, возвращающийся к своей первоначальной и главной функции – производству мудрых советов, то есть таких, которые были бы практически полезны и уместны. Здесь и сейчас. Современная философия должна покинуть «башню из слоновой кости» и обратиться к актуальным жизненным проблемам. Не оправдывать и не критиковать, а прояснять. Не призывать под чьи-либо знамена, а показывать, к какому результату приводит принятие той или иной ценностной позиции. Не устранять различия, а выискивать возможности единства при сохранении этих различий. Иными словами, выполнять философскую работу, но при этом не забывать о своем гражданском долге. Примером могут быть мыслители, которые ведут философские колонки в газетах, выступают по телевидению, обсуждая актуальные мировые, региональные или местные проблемы. Статьи Ж.Дерриды, У.Эко и Ю.Хабермаса по поводу войны в Ираке всколыхнули общественное мнение в Европе и Америке, способствовали прояснению и уточнению позиций Старого и Нового Света по многим вопросам. Приоритетным объектом философствования должны стать добродетели как начала совместной жизни

людей, без которых жизнь общества деградирует и превращается из гражданского общества в поле гражданской войны.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика, 1094а, 1-5.
2. Там же, 1140а, 26-29.
3. Там же, 1143b, 35.
4. Платон. Государство. 508 d.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?. Пер. с фр. – М.: Академический проект, 2009, С.6.
6. Юм Д. Сочинения в двух томах. Изд. 2-е. Т. I. М.: Мысль, 1996. С.458
7. Макинтайр А. После добродетели. Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2000, С. 72.
8. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 275.

Чукін С.Г. Поворот до чеснот: місія філософії в розділеному світі.

В статті розглядаються практичні та теоретичні наслідки того, що цінності стали реальним фактором соціального життя. Автор критикує емотивізм, що стверджує неможливість раціонального обґрунтування цінностей, та протипоставить йому концепт трансверсального розуму.

Ключові слова: філософія, розум, цінності, чесноти, трансверсальність.

Chukin S.G. Turn to virtues: mission of philosophy in the divided world.

In article are considered practical and theoretical that consequence, that values became the real factor of a social life. The author criticises emotivism confirming impossibility of a rational substantiation of values, and opposes to it concept transversality reason.

Key words: philosophy; reason, values; virtues; transversality.